

К63.3(2-2Сургут)-8
3-38

Иван Захаров

Моя семья

Иван Захаров

**Моя семья
Родители и дети**

2 112

9000439202

Иван Захаров
«Моя семья. Родители и дети»

Книга издана по заказу Администрации города.

Эта книга известного сургутского журналиста, краеведа, старожила, Почетного гражданина города Ивана Прокопьевича Захарова. Его называли сургутским летописцем, настоящим патриотом и сыном своей земли, глубоко и искренне любящим Сургут и сургутян. В этой небольшой книге Иван Захаров не просто рассказывает о своей семье, он легким, простым и чистым языком повествует о времени и о себе, о жизни людей, о тех, кто его окружал. Она будет интересна самому широкому кругу читателей и непременно дополнит перечень краеведческой литературы.

Рукопись передана для печати дочерью И.П.Захарова Людмилой Ивановной Важениной, издается впервые.

Корректор Н.Ю. Лебедева
Верстка О.Н. Просина

Рекламное агентство «Аквамарин», г. Екатеринбург, ул. Короленко, 8 – 17
Тел./факс /343/ 355-01-51
E-mail: AQUAMARINE@mail66.ru

Захаров Прокопий Иванович

Это мой отец. Родился он в 1891 году, летом – 22 июля, в Прокопьев день, потому и получил такое имя, а родная его деревня Поварова, недалеко от Увата, тогда Тобольского уезда. Уже в юношеском возрасте окончил два класса церковно-приходской школы. В дальнейшем – фактически учителем был его отец и мой дед Иван, всегда исполнявший обязанности волостного писаря.

В 1913 году отец женился. Его женой стала крестьянская девушка Саша Кошкарова. В ту пору ей исполнилось 19 лет. Она с детских лет работала в своем хозяйстве, летом в поле и на лугах, зимой ухаживала за скотом, рано научилась прядь и ткать, жать и косить, вязать снопы, молотить хлеб цепами, мять и трепать лен. Потом пошли дети. Всего было их девять, но выросло только четверо. Их мы назовем ниже, а пока – о родителях.

В 1915-м отца призвали в царскую армию. Он – участник первой мировой войны, но на фронте был недолго, уже в 1916 году их воинскую часть расформировали как неблагонадежную, а вскоре большинство солдат за ненадобностью разбежались по домам.

Октябрьскую революцию отец встретил с надеждой на лучшую жизнь и спокойную работу, но этого не случилось. Неразбериха в земельных отношениях, формах собственности на землю, частая смена властей привели к гражданской войне. Отец ушел в партизаны. Из уватских лесов они делали короткие набеги на колчаковцев, портили их имущество, уводили лошадей и скот. Доходило дело и до перестрелок. В одном из таких сражений отец с группой товарищей попал в плен к карателям. Его, как и других партизан, препроводили в Тобольскую тюрьму. Там он коротал несколько летних недель 1919 года. Каждый вечер тюремщики уводили на расстрел по 5-10 крестьянских повстанцев. Подходила очередь и моего Прокопия. За одни сутки перед смертью отец поседел. Из черной, как смоль, его борода стала белой, а волосы на голове приобрели темно-серый оттенок.

Отцу повезло. Тюрьму со всеми оставшимися в живых узниками освободил красноармейский отряд, прибывший в Тобольск по Иртышу на пароходе «Св. Мария». Память о своем освобождении, о том красноармейском отряде мой родитель пронес через всю свою жизнь. Иногда он рассказывал мне о тех исторических событиях 1919 года, о тобольских застенках и гибели своих товарищей.

События 1921 года и кулацко-эсеровский мятеж обошли деревеньку Поварову стороной, хотя в Уватском уезде за короткое время были разгромлены все местные органы только что сформированной советской власти и народного самоуправления, коммунистов и сочувствующих им крестьян повесили или расстреляли. Это известно из документов того далекого времени.

Жизнь моих родителей всегда была связана с землей. Когда началась коллективизация, они вступили в создаваемую в деревне артель под названием КИМ (Коммунистический интернационал молодежи). Мать работала дояркой, ухаживала за телятами, а во время весенней страды и уборки урожая трудилась на артельных полях. Отец на протяжении всей своей жизни был рыбаком, промышлял по

небольшим речкам Уватского района, на угодьях Туртаса, Демьянки, ловил рыбу на Иртыше, Оби и Обской губе.

В деревне Поварово у нас был свой дом. С детства в памяти остались его очертания: высокое крыльце, кладовка и просторные комнаты. В горнице окна часто прикрывали ставнями, летом таким образом создавали тень и прохладу, а зимой сохраняли тепло. Запомнилась черемуха с обширной кроной, росшая недалеко от кухонного окна. Весной, когда она цвела, все комнаты нашего крестьянского дома наполнялись чудным запахом свежести лучших в мире духов, а осенью, когда созревали плоды, тяжелые ветви лнули к оконному стеклу. Стоило открыть створки – и гроздья спелых ягод сами ложатся на стол: ешь – не хочу.

Запомнились мощеная ограда, завозня, амбар, навес, под которым лежали дрова, стояли телеги и сани, резные ворота и калитка, через которую можно было ходить на огород и к бане. Днем, мы, маленькие ребятишки, часто бегали через ту калитку к грядкам с горохом, бобами и морковью, а вечером боялись. Взрослые говорили, что за калиткой хозяйничает бука, страшное чудище, которое там поселяется с наступлением темноты, а днем прячется где-то в бане или в яме.

Беззаботное деревенское детство прервал 1937 год. Тогда нашу семью, как и ряд других работящих хозяев, высыпали из родной деревни. Какой-то начальник приказал в 24 часа оставить дом, где прожило несколько поколений нашей фамилии. Ослушаться родители, конечно, не могли, так как те, кто нас высыпал действовали по приказанию местных властей, носили форменную одежду, а на поясах у них висели кожаные кобуры с наганами.

Собрали мы свои самые необходимые вещи, сложили все в лодку, и всей семьей поехали в сторону Увата. Там, в небольшой деревеньке Дальнее Поле, что примерно в трех километрах от райцентра, нашу семью приютили добрые люди Сафоновы – Пантелей Осипович и Марфа Алексеевна. У них была своя семья, но они отвели нам небольшую комнату в избе и часть амбара во дворе. Туда мы сгрузили свои пожитки и поставили топчан, на котором спали то дед Иван, то внук Иван.

Вот тогда-то, в злосчастном 37-м, ихватили мы лиха великого. Есть было совсем нечего, питались картофельными очистками, травами, а за буханкой хлеба стояли в очередь по 12 суток. Там, около магазина, проводили все время, там и лежали, и

Мы и моя мама

спали. Ни дождь, ни ветер не могли разогнать голодных людей. Так продолжалось почти все лето, до тех пор, пока не арестовали всех уватских начальников.

Уже на следующий день после разгона преступной шайки во всех уватских магазинах появилось множество разных продуктов. Тогда же нашу семью восстановили в правах колхозников и пригласили обратно в Поварово. Но было поздно. Отец и его старший сын Федор завербовались и уехали на Север. Да и дом наш поваровский к тому времени уже основательно разобрали, перевезли в Уват. Осенью мы похоронили дедушку. Зиму провели в Дальнем Поле, а весной все перебрались на Ямал, сначала в Пуйко, а потом много лет жили в Ныде.

Ныда того довоенного времени – это небольшой заполярный поселок, районный центр Ямало-Ненецкого округа. Там работали все районные организации, рыбучасток, школа, клуб. Рядом, за речкой, располагался еще один населенный пункт – Нумги. Там стояла главная контора крупного оленеводческого колхоза, а основные рыбоугодья находились на берегу Обской губы и назывались Горками (Первые, Вторые, Третьи и Четвертые горки). Неплохие места для рыбаков были по речкам Тояга и Сандибяга. Много корюшки добывали в устье Нады. Когда ее выгружали из невода на тони, то в поселке стоял стойкий запах свежих огурцов. Такие вот духи выделяет эта небольшая рыбешка.

А на Горках стрежевыми неводами (длина их около двух километров) ловили самую ценную рыбу – осетра, муксуна, нельму, пыжьяна, щекура, заходила к нашим берегам белуга, постоянно плавали тюлени.

Отец мой, Прокопий Иванович, всегда оставался на рыббалке, летом на тех самых Горках, а зимой промышлял по малым речкам. Однажды в Сандибяге он один выполнил полугодовой план всего рыбучастка. На берегу и на льду лежали горы чебаков и ершей. Туда повадились песцы, которые иногда попадались в расставленные отцом ловушки. Силками (тогда мы их называли пленками и пленицами) отец добывал огромное количество белых куропаток. Иногда со своих угодий он привозил домой тюленей. Из их шкурок шили сапоги и шапки.

Мама моя, Александра Павловна, всю жизнь трудилась на самых разных работах. Выше я уже говорил о ее занятиях, а в Ныде она топила баню, где мылось все население поселка. Сама она и дров наготовит, и воду наносит (иногда для этих целей давали лошадь), и немощных стариков да ненецких детей вымоет. Ненцы были постоянными гостями нашей семьи. Запомнил одного из них – Григория Окотетто, мужика крепкого телосложения, неплохо говорящего по-русски. Иногда в ответ на заботу о его детях он привозил нам рыбу, давал лишние талоны на приобретение хлеба или муки.

Летом мама собирала много разных дикоросов. Морошки, грибов порой нам хватало на целую зиму. Тяжелая работа доставалась ей на заготовке дров (обычно рубили тальник), на рыбоугодьях, где она выполняла обязанности повара. Все могла моя дорогая мама, веселая, мудрая, красивая женщина. Она беззаветно любила своих детей (особенно меня, я то был самый маленький и последний). Никогда не забуду ее плач над похоронкой старшего сына Федора, погибшего на Ле-

нинградском фронте. Как же она тогда убивалась, и то горе великое не оставляло ее всю оставшуюся жизнь.

Теперь мне далеко за семьдесят, но когда я думаю, вспоминаю, пишу о своей маме, вновь превращаюсь в ребенка. Кажется, вот-вот войдет сюда самый дорогой для меня человек, обнимет, скажет добрые слова, даст мудрый совет. Но нет, никто неходит, никто не говорит хорошие слова. За спиной тишина, а я тут же вновь превращаюсь в старика, стоящего в конце своего жизненного пути.

Мама умерла у меня на руках во второй половине дня 19 февраля 1961 года. Ее погубил рак печени в возрасте 66 лет. Отца не стало 22 марта 1964 года. Он ушел от нас на 74-м году. На Черномысовском кладбище они лежат в одной оградке. Бываю там. Мама всегда встречает меня своей очаровательной улыбкой, а папа – строгим взглядом. Он словно оценивает мою жизнь и поступки.

Но до того как лечь в сургутскую землю, родители много лет жили и работали на Черном Мысу. Сюда они приехали в 1948 году. Какое-то время нашим пристанищем и кровом был огромный барак в Затоне, после нам как хорошим работникам дали полдомика на улице Затонской, он значился под номером 32. Затем семья переехала на Заводскую, где занимала небольшую комнату в доме барачного типа. С первых же дней пребывания в Сургуте отец стал работать на рыбокомбинате. Был рыбаком (зимой промышлял фитилями), ремонтировал неводы на Тюменцевском песке, строил новые орудия лова в сетепосадочной мастерской.

Мама по найму работала в колхозе, копала картошку. Четыре ведра клубней надо было высыпать в колхозный погреб, а пятое ведро можно было брать себе. Так без малого исполну и зарабатывала на пропитание семьи.

Давно нет в живых Прокопия Ивановича и Александры Павловны, но давние жители Черного Мыса, да и Сургута, помнят их и всегда говорят добрые слова о моих родителях. Царство вам небесное, дорогие мои.

Федор

Мой старший брат Федор Прокопьевич родился в 1914 году. Это был могучий человек: рост больше двух метров, широкоплечий, обладал большой физической силой. Одно время он работал на лесозаготовках в Притуртасской тайге (Туртас – небольшая река в Уватском районе). Там говорили о нем, как о самом сильном работнике-стахановце. Он мог один поднимать комель срубленного дерева, тогда как за вершину брались два или три человека.

Федор и дома выполнял самую тяжелую работу. Бывало, вместо лошади таскал по огороду однолемешный плуг или борону, метал самые высокие стога сена. В Ныде он был незаменимым рыбаком. Он много работал, любил своих родителей, но оставался очень скромным, даже застенчивым человеком. Никто в нашей семье так и не знал, встречался ли он с девушками, испытывал ли страсти и прелести любви.

Уже в 1942 году его призвали в Красную Армию и вместе с тысячами советских воинов направили защищать Ленинград. Там погиб наш Федя 13 января 1943

года. Тогда ему было 29 лет. Уже после войны нам прислали его медаль «За оборону Ленинграда» и больше тысячи рублей, оставшихся в кармане гимнастерки.

Василий

Он родился в 1917 году. Учился и получил неплохое образование. Это был очень добрый человек, про таких говорят: рубаха парень. Знакомому или совсем чужому мог отдать последнее, что имел. Вот с таким характером его однажды поставили работать продавцом. Тогда ему было 18 или 19 лет.

Молоденький работник деревенского прилавка торговал очень бойко: старикам да старухам, немощным инвалидам бесплатно или за полцены раздавал какие-то продукты: девушек, которых очень любил, постоянно угощал конфетами. Однако таким образом ему долго работать не пришлось. Учетчики сельпо сделали ревизию, обнаружили растрату товаров и денег, и Васю нашего посадили в тюрьму на два или три года. Наказание отбывал на Дальнем Востоке.

После лагеря, возвращаясь в родные края, остановился в Омске, чтобы заработать немного денег на гражданскую одежду. Прописался в каком-то общежитии, начал работать. Но 22 июля 1941 года грянула Великая Отечественная война, и вскоре Василия Прокопьевича взяли в армию. Он прошел всю войну, был дважды ранен, контужен, но всякий раз возвращался в боевой строй. Победу праздновал в Северной Норвегии.

Домой к нам в Ныду вернулся наш герой в 1946 году с боевыми наградами и партийным билетом в кармане. Женился. Его женой стала Зоя Ферапонтовна Преснцева. Непродолжительное время Василий работал в Надымском райисполкоме, затем его назначили председателем крупного оленеводческого колхоза «Родина», центральная усадьба которого располагалась в поселке Нории Надымского района. Добрая слава о работе этого колхоза была хорошо известна в Ямalo-Ненецком округе.

После десятилетней работы на севере семья переехала в Сургут, а затем в Ларьяк. Там Василий возглавлял одно из промысловово-охотничих хозяйств. 30 мая 1966 года его не стало. Умер его старший сын Геннадий, дочь Галина работает на юге Тюменской области, а бывшая супруга теперь в Нижневартовске. Такая вот получилась у Василия жизнь, короткая очень.

Мария **(6 августа 1921 г. – 23 апреля 2001 г.)**

Вся жизнь моей старшей сестры тоже связана с работой. В детстве она была хорошей помощницей матери во всех домашних делах. Подрастала и бралась за более серьезные дела, умела косить и жать, вязать снопы и ходить за плугом, пасти и доить коров.

Официально трудовая деятельность ее началась на Ямале, сначала в Пуйко, а потом она много лет работала в Ныде. В годы войны была приемщицей рыбы, ко-

торой в Обской губе всегда добывали очень много. По своим служебным делам ходила по рыбакским угодьям, не раз попадала в жестокую пургу и штормы.

В моей памяти навсегда осталось лето 1943 года. Тогда Марии поручили сопровождать в Салехард баржу «Астраханку», в трюмах которой было нагружено больше ста тонн рыбы – осетров, муксунов, нельм. Шкипером на судне работал пожилой уже человек, запомнил его имя – дядя Федя. С ним же плавала его супруга, такая щупленькая старушка. А матросом на баржу назначили меня – тринадцатилетнего подростка. Я, конечно, гордился своей должностью, обещал родителям и взрослым бригадирам добросовестно выполнять свои обязанности.

Теплым солнечным днем небольшой катерок местного рыбозавода взял «Астраханку» на буксир и повел ее на противоположную сторону Обской губы. Туда, где проходила трасса крупных судов Северного морского пути.

К месту назначения прибыли вовремя. Родной берег скрылся далеко за горизонтом, до Новопортовского было, километров пять или шесть. Здесь мы бросили якорь, проводили домой свой малосильный буксир. С того самого дня и начались наши ожидания теплохода, который бы доставил баржу с бесценным грузом в Салехард.

Шло время, но нескончаемым оставался полярный день. Однажды мы видели, как мимо нас прошел огромный караван барж, ведомый «Микояном» – самым мощным по тому времени теплоходом всего Обского пароходства.

У нас уже давно кончился хлеб, с каждым днем таяли запасы сухарей и консервов. Иногда, правда, к нам подъезжали на лодках под парусами рыбаки-ненцы, уговаривали нас продуктами из своих запасов, но помочь ничем не могли. По-прежнему мы оставались наедине с крутыми волнами Обской губы, а ветер нещадно трепал черные «флаги», которые мы вывешивали на мачту как сигнал бедствия. Мы голодали самым настоящим образом, но никто из нас не смел открыть трюмы, где лежали жирные соленые осетры и другие деликатесы, подготовленные для бойцов Красной Армии. Шла война, и каждый килограмм продуктов был на строжайшем учете.

Уже около месяца баржа стояла на якоре. О нас все забыли, а дома потеряли. Мало ли что могло произойти среди бушующих волн холодной воды. Невдалеке от нас плавали льдины студеного моря. Иногда мы видели на них резвящихся тюленей, а над ними и над нашей баржей постоянно летали халеи и чайки.

Еще в детском возрасте из популярных книжек и школьных уроков я знал о существовании бутылочной почты, которая не раз спасала людей и раскрывала тайны морских происшествий и морских трагедий. Вот и мы решили напомнить о своем существовании таким древним способом. Иных средств связи у нас не было, от имени своего экипажа написал письмо с призывом о помощи, вложил его в бутылку, крепко запечатал, для верности пробку залил смолой и бросил за борт «Астраханки». Дул свежий северный ветер, крутые волны подхватили мой стеклянный конверт и понесли в сторону Ныдинского берега.

И надо же было так случиться, что через два или три дня бутылка с посланием попала в невод наших рыбаков, промышлявших на Вторых горках. Таким образом

мы были спасены. Вскоре к нам пришел буксир «Инденбаум». Он благополучно доставил баржу в Салехард. Марии и шкиперу дяде Феде объявили благодарность за выдержку, стойкость и спасенную рыбу, а когда мы вернулись домой, ребята еще долго расспрашивали меня о том рейсе, о жизни на рейде и о письме, запечатанном в бутылку.

В 1948 году Мария вместе с мамой приехала в Сургут. Работала на рыбокомбинате и в Сургутском горрыбкоме, вырастила двух сыновей и дочь. В положенное время вышла на пенсию. Последние годы и месяцы ее жизни оказались очень трудными. Она тяжело болела, лишилась способности двигаться, а потом и сознания. Лежала рядом с умирающим сыном Александром. Он скончался 14 апреля 2001 года на 48-м году жизни, она умерла через девять дней, не дожив четыре месяца до своего 80-летия. Теперь в Сургуте живут ее сын Павел Захаров и дочь Мария Клепче. Сейчас это взрослые люди, у них свои семьи.

О себе

Появился я на свет 5 октября 1929 года, родился не то в риге, где сохли снопы ржи, не то прямо под скирдой. Стояла осень, работы было очень много, все спешили: вот-вот пойдет снег, а хлеба еще не прибраны, потому мать работала до последнего часа. Ей тогда было 36 лет. Да и после родов она на второй или третий день опять пошла в поле.

Мои детские и юношеские годы пришлись на трудное время. Только встал на ноги, началась война, чаще всего видел слезы матерей, проводивших на фронт своих детей. Работать начал рано, как и все деревенские дети. Шестилетним ребенком был поводырем слепой бабушки и водил ее по миру в поисках куска хлеба. Четырнадцатилетним подростком сопровождал из Ныды в Салехард Ивана Канева, бывшего солдата, потерявшего на фронте зрение. Боронил, возил снопы, копны, ходил в ночное, пас лошадей, был на промысле рыбы в Обской губе.

В 1945 году меня приняли на работу бухгалтером Надымской инспекции Госстраха. Счетная работа в памяти не осталась, но, по-моему, в пятнадцать с половиной лет от роду я был неважным финансистом, и вскоре меня перевели в районный земельный отдел. В должности инструктора колхозного строительства много ездил по Надымскому району. Считал оленей, проводил учет колхозного имущества, выполнял другую работу.

Осенью 1947 года призвали в армию, но до нее не довезли. Наш пароход принял в Ханты-Мансийске, там всю команду призывников определили в Самаровскую школу ФЗО. После ее окончания я стал судовым плотником и получил направление на Сургутский рыбоконсервный комбинат.

В цехе флота, где я плотничал, мне нравилось: своими руками делал суденышки, ремонтировал катера, которые бороздили обские просторы. Был молотобойцем, работал маховой пилой, заготовлял лед и строевой лес. А вокруг были хорошие люди. До сих пор помню своих трудовых наставников Михаила Григорьевича Зырянкина, Константина Федоровича Ивачева, Афанасия Васильевича Самолово-

2 мая 1951 года. С начальником Сургутского отделения милиции Зией Карамовичем Гариковым ездили к моим родителям на Черный Мыс. Красивая лошадка возила нас по весенним улицам села. Кони – главный транспорт моей молодости. На лошадках страна наша въехала в социализм.

ва, Христофора Христофоровича Юнга, других мастеров и подружек, с которыми «встречались мы у проходной».

Но, к сожалению, долго работать на комбинате не пришлось. Через год-полтора после приезда в Сургут направили в распоряжение райкома комсомола. К тому времени я уже кое-что знал из славной истории молодежного движения в Сургуте, о славных делах комсомольцев в годы гражданской и Великой Отечественной войны, о мирном труде своих ровесников.

Меня одолевали сомнения: справлюсь ли с новыми обязанностями, и в то же время я считал за честь поработать в главном штабе районной комсомольской организации, где первым секретарем был вернувшийся с войны Андрей Сибирцев. Вместе с ним работали Николай Пагилев, сестры Рита и Нэля Кушниковые, Раиса Силина, Мария Кайдалова, Иван Клепиков и многие другие парни и девушки. Многие из них посвятили Сургуту всю свою трудовую жизнь, а бывший секретарь райкома комсомола Иван Козлов получил юридическое образование, долгое время работал народным судьей в Нефтеюганске, в 1979 году с семьей уехал в Мариуполь. Там он и скончался в ноябре 2001 года. Ему было 76 лет.

В те годы комсомольские активисты постоянно бывали в первичных организациях колхозов, лесоучастков, рыболовецких коллективов. По району ездили на лошадях и оленях, в лодках и обласах, много ходили пешком. Всегда были среди молодежи.

И у нас кое-что получалось. Районную комсомольскую организацию награждали знаменами, грамотами, а однажды первому секретарю вручили подарок окружкома партии – патефон.

Помню, как летом 1949 года с председателем комитета физкультуры Валентином Назаровым строили стадион, примерно на том месте, где теперь располага-

гается музейно-этнографический центр «Старый Сургут». Доски, в основном тес, напилили вместе с ребятами на пилораме МРС в Затоне Черного Мыса. Потом из досок сделали плот и на нем поплыли по Оби в Бардаковку. Наше сооружение погрузилось вровень с поверхностью воды, у нас под ногами перекатывались легкие волны, гонимые слабым западным ветерком. Все было нормально, но люди на берегу дивились: как это два человека пешком ходят по реке, уж не водяные ли черти появились у Обских берегов.

Стадион мы построили, но он просуществовал недолго. В 1961 году на том месте открыли районный Дом культуры. А молодежь гоняла мячи, играла в лапту и городки на поле между Черным Мысом и Сургутом, на пойме за Бардаковой, у Стрелецкого бугра на берегу Кривой Вершины Саймы. Интересное было время.

Комсомольцы много учились. В деревнях, поселках и районном центре работали политкружки, где слушатели знакомились с основами марксизма-ленинизма, изучали историю коммунистической партии и комсомола, биографии Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина.

Настольными книгами для нас были Краткий курс истории ВКП (б), очерки и рассказы о ВЛКСМ, художественные произведения «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», книги о героическом пути Родины, страны Советов.

Молодые люди Сургута помогали старикам и детям, постоянно проводили субботники и воскресники по заготовке кормов для колхозного скота, бывали на рыбалке и каждую осень на уборке урожая.

Многое делалось для благоустройства села. Бригады молодых рабочих прокладывали новые тротуары, мосты и мостики, озеленяли улицы. В те далекие годы уже появились в Сургуте березовые рощи и парки у Черномысовской неполной средней школы и у Сургутской средней школы. Энтузиастами и организаторами этого дела были молодые учителя Евлалия Александровна Кошкарова, Янина Петровна Маковецкая, а также Владимир Степанович Кочетков, Андрей Николаевич Сибирцев, Виктор Павлович Бирюков, Александр Федорович Шандыров.

В 1949 году комсомольцы Сургута заложили парк имени 11 съезда ВЛКСМ, легатом которого был наш земляк оленевод и охотник из Тром-Агана Иван Кечимов. К сожалению, тому парку не суждено было разрастись, да и березовую рощу средней школы №1, взращенную комсомольцами сороковых-пятидесятых годов, теперь активно вырубают под жилые дома богатых людей Сургута, а Черномысовского парка давно уже нет.

Конечно, мои ровесники – комсомольцы умели не только хорошо работать и учиться, но и красиво отдыхать. В районном Доме культуры и в клубе рыбников регулярно проходили спектакли художественной самодеятельности. Ставили пьесы Островского, Чехова, Фонвизина, Корнейчука и других авторов. По воскресеньям и праздникам устраивались танцы под баян, гармошку или струнный оркестр. В теплые летние дни на улице постоянно играл духовой оркестр. Играли просто так, собирая вокруг любителей музыки. В те годы у нас был один выходной в неделю – воскресенье, и его едва хватало, чтобы весело провести время.

В 50-е годы Сургут оставался, пожалуй, самой поющей территорией Ханты-Мансийского округа. Праздники песен проходили в сосновом бору за больницей, у первого спуска на пойму, на берегу речки Боровой. Там накрывали праздничные столы, вокруг которых собирались все хители села, а на лужайке, где на скользкую руку строили сцену, выступал многочленный хор. Пели весь день, а наиболее активные участники праздника и влюбленные парочки оставались в кустах до утра.

По инициативе комсомольских организаций каждое лето создавали агитбригады. На неводниках да плашкоутах, где на гребнях, где на буксире катера ездили наши «артисты» и веселили рыбаков, покосников – всех, кто работал вдали от дома.

Комсомольские годы! До чего же они были прекрасны. Все мы были молоды и счастливы. Много любили, порой страдали, не находя ответа и взаимности. В такой круговорот сердечных событий и мне не раз приходилось попадать, но в 1949 году я женился на хорошенькой комсомолке Вале Григорьевой. С ней живем теперь вот уже больше полувека.

После комсомольской была профсоюзная работа. Меня избирали председателем рабочкома Сургутского леспромхоза. Лесозаготовки в те годы были исключительно важным государственным делом, древесины требовалось очень много, страна залечивала тяжелые раны войны, и сибирский лес шел на самые важные стройки Советского Союза.

В первой половине 50-х годов в нашем районе работало несколько лесоучастков: Островной, Ореховский, Майский, Каркатеевский,

Медовый месяц. Медовый год.

Валя с моим папой.

ряд других лесопунктов и мастерских участков. Заготовляли до 300 тысяч и более кубометров леса за зимний сезон – с конца ноября до апреля. На лесоповале работали кадровые рабочие предприятия, но основная тяжесть ложилась на плечи колхозников, которые в обязательном порядке привлекались к этой трудовой повинности. На лесоучастки они приезжали на своих лошадях со специальными лесовозными санями и подсанками.

В отличие от кадровых рабочих леспромхоза, большинство которых имели свои дома, сезонники жили в огромных бараках, спали на топчанах или просто на нарах.

Жилище обогревалось железными печками, вокруг которых на веревках сохли портнянки, штаны, фуфайки. У стены или посередине барака стояли столы с длинными скамьями. Здесь люди завтракали и ужинали, а обедали обычно прямо на лесосеке. Туда привозили еду и чай в специальных термосах и утепленных баках.

Преобладал ручной труд – пила двуручная и лучковая, которую называли стахановкой, топор, вилка-рогатина на длинном шесте, которой спиленное дерево велили в нужном направлении, а при помощи ваги поднимали бревно на сани. Тяжелая была работа на лесозаготовках в первые послевоенные годы, но сургутские лесорубы почти всегда достигали высоких показателей, и в начале лета, обычно в июне, мимо Сургута в сторону Салехарда проплывали бесконечные караваны плотов со строевым лесом для украинских, белорусских сел и деревень, рудничными стойками для шахт Донбасса. Впереди на плотоматке красовался дом, а то и два, где жили сплавщики.

Со временем на лесозаготовки стали поступать машины и механизмы: сначала электрические, а после бензомоторные пилы, трелевочные тракторы, лесовозные автомобили. Сократился открытый сплав леса, древесину стали перевозить на баржах. На лесопунктах стали открываться клубы, школы, медпункты, столовые, магазины, механические, ремонтные и бытовые мастерские. Постоянно сокращался набор сезонной рабочей силы, колхозники перестали ездить на лесозаготовки, основные производственные задачи выполнял коллектив предприятия.

У Сургутского леспромхоза – занимательная история с множеством добрых дел. Ее начало относится к первым советским пятилеткам, и она продолжалась на протяжении десятилетий. С предприятиями связана жизнь многих людей, целые поколения земляков. Я знал первого прораба Чернореченского лесопункта 1935 года Дмитрия Степановича Черемных, а потом долго работал с Иваном Андреевичем Власеневым, Василием Матвеевичем Рыткиным, Вениамином Валерьяновичем Кольцовым. Больше сорока лет трудился в леспромхозе Николай Дмитриевич Евтихов, очень долго Геннадий Прохорович Проводников. Хорошо помню бывших директоров Штанюка Анатолия Антоновича, Тутова Александра Григорьевича, а теперь Сургутский леспромхоз возглавляет Тутов – младший, сын Александра Григорьевича. Однако в настоящее время это совсем иное предприятие, оно и называется по-другому, и деятельность его изменилась, а старых лесников совсем не осталось.

‘После окончания партийной школы несколько лет я работал парторгом Сургутской машинно-тракторной станции. МТС, организованная в 1940 году, выполнила огромную работу по развитию сельского хозяйства. В годы Великой Отечествен-

1957 год. С Фарманом Курбановичем Салмановым.

Фарман Курбанович Салманов – первооткрыватель большой Сургутской и Сибирской нефти. Он Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор наук, Почетный гражданин города Сургута с 1968 года.

ной войны большинство мужчин механизаторов ушло на фронт, в трудовом строю их заменили женщины. Они работали на газогенераторных тракторах, топливом для которых служили березовые чурочки.

А в мою бытность в МТС насчитывалось не менее 50 тракторов в 15-сильном исчислении. Дело в том, что в те годы единицей измерений и точкой отсчета считался 15-сильный трактор. Например, один трактор ДТ-54 по отсчету проходил как 3,6 машины, а один С-100 заменял собой сразу больше шести тракторов. Но не в этом дело.

Тракторные бригады МТС обслуживали сельхозартели, центральные усадьбы, располагались в поселках Погорельск, Новый Покур, Нагорный (Локосово), Банное, Черный Мыс, Высокий Мыс, Зарям (Сытомино). Наши механизаторы осваивали целинные земли на обской пойме и на коренных берегах, помогали колхозникам района выращивать хлеб и овощи, заготавливать корма для колхозного скота, обустраивали животноводческие фермы, строили кормозапарники, прокладывали водопроводы, выполняли многие другие работы в интересах сельского хозяйства.

Надо сказать, что вплоть до 50-х годов прошлого века наш район был сплошь аграрным, и сельское хозяйство занимало одно из ведущих мест в его экономике. Продукция полей и ферм распределялась внутри района, но большая часть ее шла

Заводоуковск. 1957 год. Этот симпатичный бык возил в санаторий, где я отдыхал после многочисленных операций, продукты, выполнял разные хозяйствственные работы. Я и бык.

«на экспорт» на другие территории Тюменской области и Ханты-Мансийского округа. Много картофеля, мяса, масла поставлялось в соседний Ямало-Ненецкий округ.

На колхозных полях росли рожь, овес, ячмень, пшеница, кормовые травы, подсолнух, кукуруза, а также турнепс, капуста, репа и редька. Примерно там, где теперь Сургутский университет, раньше располагалось опытное поле МТС, а на месте парадного входа в здание городской администрации был полевой стан колхоза «Красный северянин», вокруг него простирались картофельные плантации. Под посевы овса были распаханы гривы на Черномысовской заимке, различные овощи выращивали на Локосовской пойме. Труд земледельцев района тогда был в большом почете. Ряд колхозов были участниками ВСХВ, получали государственные награды, ордена Ленина и медали за доблестный труд. А в Сургуте ежегодно проходили районные слеты работников сельского хозяйства.

Не могу забыть Сургутские сельскохозяйственные выставки, которые устраивали здесь по осени. Что только там не показывали: снопы зерновых культур, отборный картофель, различные овощи, огромные кочаны капусты, помидоры, огурцы. Там же была продукция рыбокомбината: осетры, нельмы, муксуньи; консервы из этих и частиковых рыб; вкусные были консервы из ершей в масле, печень налима, все-

С ним же через 40 лет. Фото на улице 30 лет Победы у ДК «Строитель». Дорожка к высоким званиям и должности первого заместителя министра геологии СССР началась из Сургута и Усть Балыка. До чего же гордые были времена.

возможные балыки. В выставочных залах висели шкурки пушных зверей: соболей, белок, норок, лис. Рядом лежали шкуры медведей, рысей, выдр, лосей, оленей.

Выставки показывали все, чем богата и славилась земля наша древняя, они рассказывали о нелегком труде земледельцев, животноводов, рыбаков, охотников. Инициаторами создания тех показательных мероприятий были райком партии, где первым секретарем работал Виктор Гаврилович Бахмат, райисполком во главе с Леонидом Ивановичем Михайловым и, конечно, наша МТС.

Центральная усадьба машинно-тракторной станции была в Сургуте. Контора располагалась в пятистенном доме на углу улиц Республики и Свободы, а мастерские и база занимали несколько гектаров земли за селом, где теперь находится котельная энергетиков. Там ремонтировали тракторы и различные машины сельскохозяйственного назначения. В мастерской работали токарные, сверлильные, другие станки. Не хватало сварочной техники, научились сваривать отдельные детали тренировкой на токарных станках.

Партийная организация МТС отличалась своей боевитостью, энергичной работой на производстве и в общественной жизни. Запомнил многих своих товарищей, хотя с тех пор прошло уже почти полвека. Директором МТС работал Парфенов Иван Дмитриевич, главным инженером – Дроздецких Сергей Николаевич, грамотны-

ми специалистами были Григорий Кравченко, Ефим Струхин, Александр Шевелев, Лидия Ку-гаевская, Любовь Швецова. Начальником мастерских работал Борис Семенович Абакумов, вместе с ним – Тимофей Першин, Архип Брянцев, токарь Михаил Тетюев, кузнец Иван Пенигин, трактористы Владимир Байков, Василий Шубин, механик Александр Николаев. Отлично трудились у нас механизаторы калмыцкой национальности, оказавшиеся в наших краях не по своей воле, но я никогда не слышал от них слов обиды на советскую власть. Отработав у нас какое-то время, большинство из них уехало в родные места.

Душой и идеяным вдохновителем хорошей работы для всех нас был Василий Васильевич Бахилов. Тогда он работал секретарем райкома партии по зоне МТС. Так называлась его должность, и потому он всегда был среди нас. Часто я ездил с ним на лошадях в колхозы. С собой он всегда брал небольшой чемоданчик, который называл балеткой. Там лежали полотенце, бритва, предметы мужского туалета и галоши самого большого размера.

Когда приезжали в деревню, ночевать обычно оставались или на постоялом дворе, или в конторе правления колхоза. Утром секретарь райкома вставал рано, часов в пять, надевал на валенки галоши и шел на ферму. Все обойдет: и коровники, и телятники, и конюшни, проверит и рацион животных, и условия их содержания, и с доярками да скотниками по душам поговорит. А вечером своими впечатлениями от увиденного и услышанного поделится с руководителями колхоза и фермы. Достанется тому начальнику, кто недобросовестно выполнял свои обязанности.

Василий Васильевич знал по имени и отчеству всех доярок района и механизаторов МТС. Люди любили его, и он с большим уважением относился к их нелегкому труду. Однако никому не позволено было опускаться до панибратства, порядок и дисциплина поддерживались с обеих сторон, зато полезная инициатива всегда находила поддержку партийной организации и райкома партии, хотя последствия этой инициативы не всегда были приятными.

Как молоды мы были.
Снимки 1957 года.

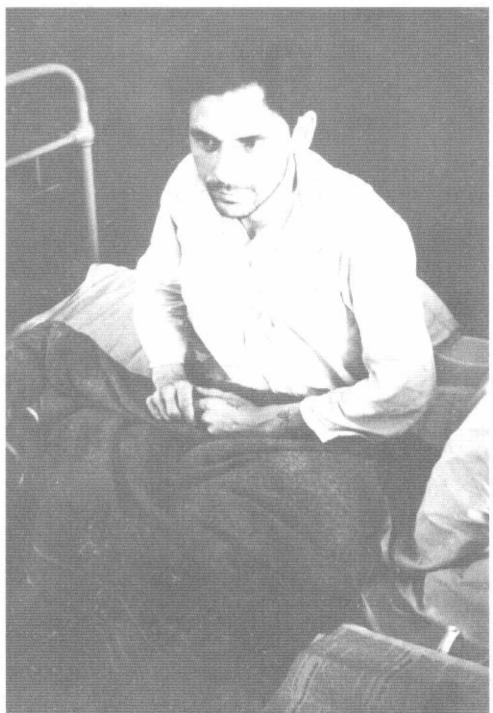

Однажды в самый разгар полевых работ у трактористов, работавших на сургутском поле, кончилась солярка, не оказалось ее и на нашей базе, а для того, чтобы закончить посадку картофеля, нужно было достать все-го-то одну бочку топлива. Но где ее взять? По старой памяти я обратился за помощью в леспромхоз. Там не отказали, но потребовали от меня написать расписку и обязательство вернуть долг до 1 июля. Бумаги подписал с надеждой, что к тому времени топливо в МТС поступит в полном объеме, и мы рассчитаемся. Посевную наши механизаторы закончили в агротехнические сроки, но вот топливо в МТС так и не поступило. В леспромхозе не хотели больше ждать возвращения долга и подали на меня исковое заявление в суд. Обо всех своих неприятностях рассказал Бахилову. Но он тогда как истинный партийный работник не мог вмешаться в работу суда, там торжествуют не эмоции, а только закон.

Судебное заседание проходило под председательством народной судьи Матрены Егоровны Коровиной (в те годы она одна управлялась со всеми делами) в точном соответствии со всеми правилами юриспруденции с приглашением свидетелей, защитника и обвинителей, с грозно предупредительным повелеванием: «Встать, суд идет!».

Разбирательство продолжалось недолго. Суд учел то обстоятельство, что горючее было израсходовано на благие цели. Леспромхозу было разрешено списать 200 литров солярки как израсходованную на нужды сельского хозяйства района. Но позднее мы все-таки вернули свой долг предприятию, сохранив, тем самым, нормальные производственные отношения друг с другом.

Что касается Бахилова, то он как настоящий патриот Сургута и сургутян 20 декабря 1959 года был избран первым секретарем партии и работал в этой высокой должности

Вот как я болел.
Почти два года оставался
нетрудоспособным.

до конца 1970 года. А случай с бочкой солярки лишний раз показывает, как бережно относились люди к государственным ценностям, каким строгим был их учет.

В 1956 году я тяжело заболел и почти два года оставался нетрудоспособным. За это время врачи Сургута, Ханты-Мансийска и Тюмени сделали несколько операций на моей грудной клетке и отключили от активной деятельности правое легкое, а куски ребер до сих пор хранятся в ящике моего письменного стола. Редкая реликвия, не правда ли?

Вскоре нашу МТС ликвидировали, а меня райком партии направил на работу в редакцию местной газеты «К победе коммунизма». Там работал почти 30 лет, прошел все должности – был корректором и кассиром, литературным сотрудником и заведующим отделом, а с 1965 по 1985 годы работал заместителем редактора газеты.

На моих глазах прошли все замечательные перемены в жизни родного сибирского края. Первые буровые вышки, первые нефтяные фонтаны, строительство городов и рабочих поселков, магистральных трубопроводов и линий электропередач, железной дороги и крупнейшей в Сибири ГРЭС – все это и многое другое находило и продолжает находить отражение в моем скромном творчестве. Интересуюсь историей Сургута, кое-что в этом направлении сделал. Еще в середине 70-х годов прошлого столетия вышли в свет книги «Краткий очерк истории Сургутской партийной организации» и «Сургут в годы Великой Отечественной войны», в создании которых принимал активное участие вместе с Флегонтом Яковлевичем Паказаньевым и Новомиром Борисовичем Патрикеевым.

Над сургутской темой продолжаю работать по сегодняшний день. Вышло пять моих книжек «Зашитники Отечества». В них записано больше тысячи имен участников Великой Отечественной войны, которые не дожили до наших дней, в какой-то степени освещены жизнь, работа и подвиг сургутян в годы тяжелых испытаний. Коренным жителям города посвящены книжки «Сургут – наш родной город», «Моя земля», «Старожилы», альбом «Все нам дорого в этом городе», «Географический словарь Сургутского района», «Сургутский словарь». В создании словарей неоценимую помощь оказали Валентин Петрович Замятин, Октябрь Иванович Целиков, Олег Иванович Волков, а также члены общества «Старожилы Сургута» Владимир Филаретович Щепеткин, Мария Ефимовна Тимофеева, Нина Степановна Петрова, Маина Павловна Буканина и другие коренные жители нашего края.

На берегу, за больницей. Весна.

*С Борисом Андреевичем Проводниковым
дружим больше полувека.*

Создание всех этих информационных сборников стало возможно при активной помощи городских и районных властей и лично мэра города Александра Леонидовича Сидорова, заместителя мэра Якова Семеновича Черняка, главы района Александра Викторовича Сарычева, генерального директора «Сургутнефтегаза» Владимира Леонидовича Богданова, ряда предпринимателей и фонда Победы, который возглавлял Анатолий Дмитриевич Слащев.

В настоящее время по инициативе районного совета ветеранов и при помощи районной администрации создается книга под рабочим названием «Незабываемое». Эта работа посвящается труду и подвигу населения Сургутского района в годы Великой Отечественной войны и приурочена к 60-летию нашей Победы. В создании этой книги участвуют Александр Иванович Прищепа, Валентина Федоровна Кашкарова, Валентин Петрович Замятин, Иван Егорович Коровин, а составителем назначили меня. Постараюсь оправдать это доверие.

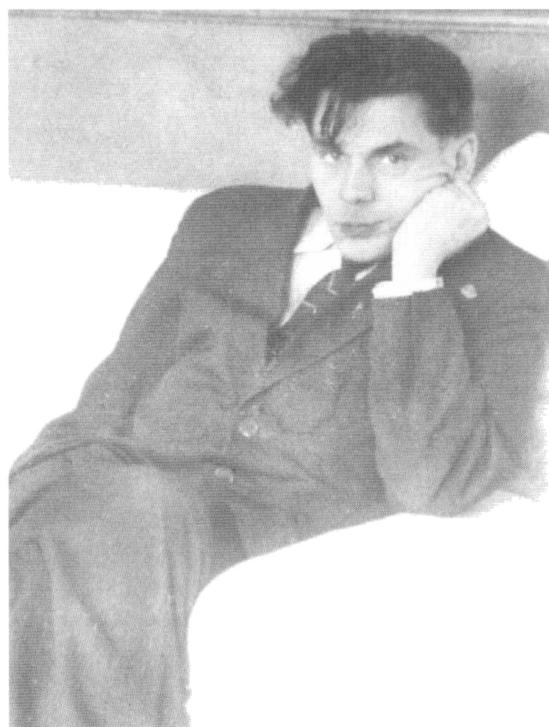
Здесь же могу сказать о том, что на протяжении многих десятилетий я работал в основном в окружении хороших людей. Неплохо знал всех секретарей райкома и горкома КПСС, начиная с 1948 года, председателей райисполкома. Самые теплые воспоминания остались об Антонине Георгиевне Григорьевой. Хорошо помню и ценю труд редакторов районной газеты Иосифа Прокопьевича Соколова, Петра Ивановича Лежнева, Николая Иосифовича Голипада, Владимира Сергеевича Корчемкина, Владимира Васильевича Киселева, а также Николая Ивановича Ездакова.

Конечно, на моем пути встречались разного рода проходимцы, рвачи, литературные и имущественные воры, но их было немного, говорить и писать о них нет никакого желания, тем более что хорошую погоду делали у нас не они. Сургут обязан своим вторым рождением замечательным геологам и, прежде всего, Фарману Курбановичу Салманову. Он со своей боевой дружиной открывал первые месторождения нефти и газа на нашей земле.

К сожалению, в современном Сургуте забывают или теперь уже окончательно забыли трудовой подвиг первопроходцев. А неплохо бы день 13 сентября сделать красной датой сургутского календаря. Именно в этот день 1957 года у нас была создана нефтегазовая партия, ставшая прообразом крупнейшей геологоразведочной экспедиции. Было бы очень правильно привести в порядок то место в восточной части нашего города, где 20 января 1959 года началось бурение первой глубокой скважины. Та заброшенная теперь площадка по праву должна стать мемориалом трудовой доблести геологов второй половины 20 века.

В 1968 году Фарман Курбанович и бывший зачинатель коллективного труда в районе Георгий Гаврилович Кушников стали первыми почетными гражданами города Сургута. 22 июня 1994 года мне также присвоено высокое звание «Почетный гражданин города Сургута», конечно, в душе я горжусь этим званием, но иногда люди спрашивают, за что же оказана мне такая честь. Откровенно говоря, я даже не знаю за что. Возможно, люди заметили, что я вместе с товарищами привел в порядок могилы старых солдат и установил на холмиках захоронений мраморные памятники, или увидели те скорбные списки умерших бойцов Великой Отечественной войны, которые создавались на протяжении десятилетий, или что-то еще полезное для Сургута увидели в моем скромном труде. Но, так или иначе, лет десять назад член городского совета ветеранов генерал Малюгин Семен Дмитриевич внес это предложение, которое поддержали в общественных организациях и в городской администрации.

Теперь случается, что город иногда меня балует. Никогда не забуду, как широко отмечали мое 70-летие. На юбилейный вечер в школу искусств, что на улице 50 лет ВЛКСМ, пришли мэр города Александр Леонидович Сидоров, его помощники, редакторы средств массовой информации и еще более ста человек. Были позд-

В редакционном кресле.

В краеведческом отделе библиотеки им. Пушкина.

равления, речи, огромный торт и банкет с большим количеством вин и закусок. А домой мы привезли целую машину цветов и подарков. Всем большое спасибо. Спасибо Ирине Ивановне Сердюковой, Валентине Ивановне Тройниной, Галине Михайловне Беляевой, всем, кто постарался для меня в тот памятный для меня день.

Я люблю свой Сибирский край, просторы Ямала, таежное Среднее Приобье, Сургут, в котором прошла жизнь, люблю улицы и дома родного города и очень хочу, чтобы он хорошел и дальше, чтобы спокойно и честно жили и трудились его граждане, чтобы по всей нашей России-матушке был порядок и мир.

Я член КПСС. В партию вступил еще при Сталине, в 1951 году. Бережно храню свой партийный билет, он для меня неразлучный спутник всей сознательной жизни. Высоко ценю свою партию, несмотря на ошибки, ВКП (б) – КПСС явилась действительно организующей силой, сделавшей страну великой державой мира. И чтобы теперь не говорили и не писали новоявленные «историки», какой бы грязью не поливали свою Родину, в памяти осталось поистине героическое время борьбы и созидания. Переделать историю невозможно, как невозможно переписать биографию одного человека.

У нас с Валентиной Петровной есть дочь Людмила, теперь она живет в Тюмени, есть две внучки Оля и Юля, есть замечательный правнук Ваня, Иван Евгеньевич. Он со своей мамой Юлей и папой Женей живет в Ялуторовске. Летом 2002 года в трехлетнем возрасте гостил у нас. Хороший мальчик. Очень хочется, чтобы в его жизни, в жизни всех детей все сложилось мирно и честно.

Справедливо говорят: «Жизнь прожить – не поле перейти». Всякое впитали в себя и мои годы. Было время, когда получал большое количество выговоров за нарушения партийной дисциплины, за слишком горячую любовь и излишне выпитую водку. Все правильно. Но однажды наказали и по так называемым «политическим мотивам».

10 ноября 1982 года умер Леонид Ильич Брежнев, генеральный секретарь ЦК КПСС. При жизни он был четырежды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. На его груди красовалось пять золотых звезд. На следующий день после его смерти мы выпустили траурный номер газеты. На первой странице портрет усопшего, но с четырьмя звездами (в редакции было устаревшее клише). Как только сигнальные номера газеты поступили в горком партии, меня срочно вызвали на «ковер» к первому секретарю Н.Г. Аникину (редактор В.В. Киселев находился в командировке). И там почти до обеда воспитывали в нужном направлении. Наказали, но в партии и на работе оставили, а весь тираж той газеты сожгли в топке котельной Дома Советов.

Наряду с выговорами мне давали медали, грамоты, так называемые приветственные адреса. Их очень много, и теперь хранятся они в государственном архиве и в краеведческом музее.

Но, несмотря ни на что, мне не стыдно ходить по Сургуту, встречаться с пожилыми людьми и с молодежью. Бываю в школах, ребята приходят к нам, заезжают и зарубежные гости. Беседуем, вспоминаем, мечтаем. У Сургута интересная биография. Будем надеяться, что будущее будет достойно славного сибирского города. Надо только постараться.

Захаров Иван Прокопьевич
Зима 2003 года

Ожидание. Улица Гагарина, 41. Сургут.

Дочь Люда.

Вся наша жизнь – игра.

Дом-барак по ул. Заводской на Черном Мысу.
Здесь жили и умерли мои родители Александра Павловна и Прокопий Иванович.

У могил матери и отца. Черный Мыс. Рядом церковь.

Со старшей сестрой Марией. Здесь она с сыном Павлом Захаровым, с внуком и бывшей снохой Мариной. Марина рано умерла.

Захаров И.П., Киселев В.В., Замятин В.П. (слева направо).

Милая моему сердцу дачка. СОТ «Ветеран». Туда я ходил да ездил 11 лет. К великому сожалению пришлось расстаться со своей землей. Трудно стало работать. Все один, да один. Последние годы со мной часто ездил Володя Щепеткин.

Вот такие урожаи вырастали на ухоженной мною земле.

Внучка Юля и правнук Ваня.

С дочерью Людой.

Со священнослужителями Сургута. Фото августа 2002 года.

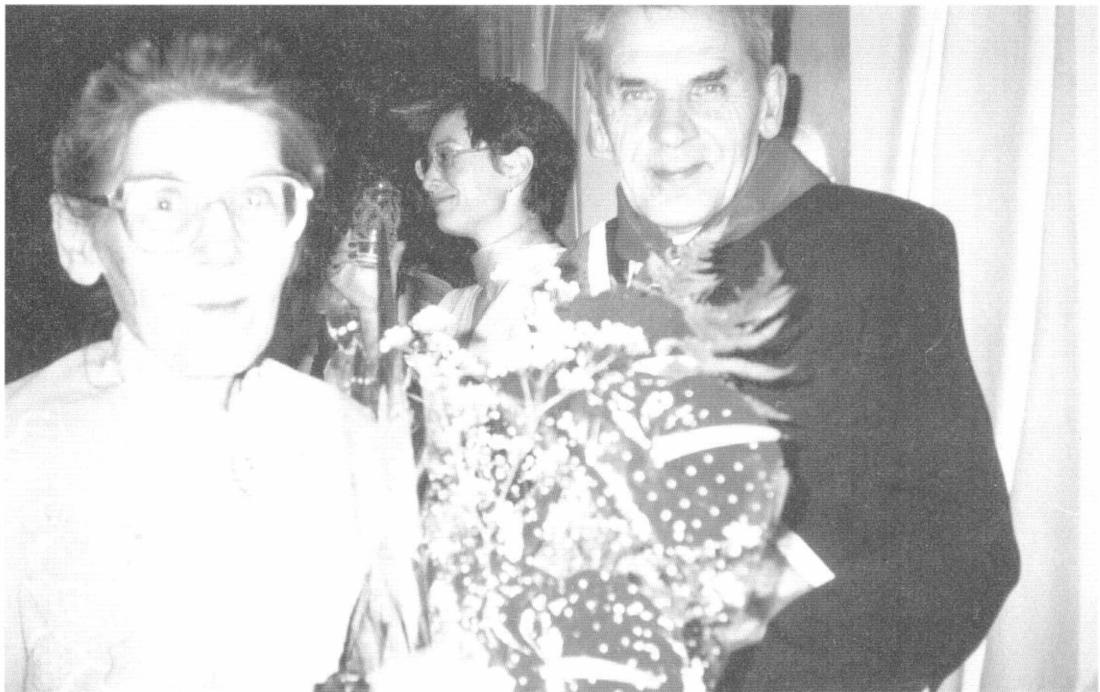
С мэром города Сургута 5 октября 1999 года. Мне 70 лет.
Школа искусств на ул. 50 лет ВЛКСМ. Сургут.

С Семеном Дмитриевичем Малюгиным в дер. Ляmino 7 марта 2000 года.

В конце жизненного пути.

*Наш край. Люблю его просторы, реки, озера, леса, все красоты,
которые создала природа на этой земной широте.
Лебеди. Этот снимок сделан на протоке Пеньковской в 1998 году сотрудником
Сургутской охотинспекции А. С. Кумировым.
Угрюмая красавица Сибири – река Обь имеет множество притоков и проток.
Всюду были богатые места.*

Город, в котором мы живем вот уже 55 лет.

Правда, в годы нашей молодости он был совсем не такой.

Три сотни небольших домиков разместились на полуострове, омываемом Саймами и
Бардаковкой. Сургут моя судьба, моя радость и счастье, моя боль.
Люди, берегите Сургут.

